

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-1>

Сериков Ю.Б.

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красногвардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МИКРОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА И ВТОРОГО ПОСЕЛКА I

Целью статьи является оценка правомерности отнесения микролитических комплексов Кокшаровского холма и стоянки Второй поселок I к позднему неолиту. Прежде всего отрицается отнесение стоянки Второй поселок I к числу однослойных памятников. Сравнение представленных материалов с неолитическими памятниками Среднего Зауралья показывает отсутствие в позднем неолите данной территории комплексов с большим количеством резцов и резчиков, а также поперечно-ретушных резцов и геометрических микролитов. Смешанность материалов указанных памятников может свидетельствовать о присутствии на них значительной примеси мезолита.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, мезолит, неолит, микролитический комплекс, резчики, поперечно-ретушные резцы, геометрические микролиты, скошенные острия.

Введение

На территории Среднего Зауралья (и не только) в эпоху голоцена процессы почвообразования происходили очень медленно. В результате культурные остатки всех эпох от мезолита до средневековья находятся в почвенном слое мощностью всего 30–40 см. На протяжении всего каменного века хозяйственная деятельность местного населения была сосредоточена на проточных озерах, которые являлись постоянным источником пищи. По вполне понятным причинам все места, благоприятные для хозяйственной деятельности, заселялись многократно и в разные археологические эпохи. Именно на таких местах возникали объективные предпосылки для механического смещения материалов. Поэтому все памятники, расположенные на местах, которые заселялись неоднократно, являются смешанными [Сорокин, 2002, с. 141–150]. А.Н. Сорокиным выделено и описано девять основных видов педотурбации (перемешивания слоя), которые вызывают перемещение и циркуляцию почвенных материалов, в том числе археологических находок [2016, с. 38–44].

Здесь уместно привести результаты эксперимента, который автор провел в 1978 г. с целью понять процесс распределения находок в слое. Раскопки стоянки-мастерской Боровка III продолжались две недели. В экспедиции было около 20 студентов. Пищу готовили на открытом очаге. Вокруг очага автор разбросал несколько десятков отщепов, сколотых с фарфоровых изоляторов. После завершения работ вокруг очага был заложен небольшой раскоп. Дерновый слой в районе очага был вытопан в первые же дни экспедиции. Из-за дождей гумусированный слой и верхняя часть нижележащего суглинка также были растоптаны в грязь. Раскопки очага дали возможность замерить мощность прокала и соотнести его с археологическими материалами. Распределение фарфоровых отщепов по глубинам дало интересные результаты. Отщепы насыщали слой на глубине от 7 до 17 см, а один отщеп был найден на глубине 21 см. И это произошло за две недели функционирования очага.

На основании данного эксперимента можно предположить, что если спустя какое-то время на этом же месте поселится другая группа людей, то находки (остатки их деятельности) также будут внедрены в слой минимум на такую же глубину. То же произойдет и при следующем поселении на этом месте. Причем многое будет зависеть от характера деятельности людей. При продолжительном проживании на одном месте находки будут уже насыщать слой суглинка на всю его мощность. Будут ли предметы, внедренные в слой в разные временные периоды, смешиваться между собой? Однозначно будут. Стерильных прослоек в слое суглинка мощностью 30–40 см никогда не было и

из-за толщины слоя быть не может. Во всяком случае, автор за 50 лет проведения раскопок таких прослоек не видел. Автор неоднократно приводил результаты данного эксперимента в дискуссиях на конференциях, и никаких возражений коллег по этому поводу не было.

Если керамические комплексы, благодаря датирующим видам орнамента, достаточно легко разнести по эпохам и даже отдельным культурам, то с каменным инвентарем сделать это не удастся. А.Н. Сорокин отмечает, что каменный инвентарь так называемых многослойных памятников, как правило, описывается суммарно [2002, с. 149]. Разделить можно только индивидуальные изделия типа наконечников стрел, да и то не всегда. Что же касается ножей, скребков, острий, пластин, отщепов, то они остаются смешанным комплексом. Археологи используют различные подходы (анalogии, минеральное сырье, техника изготовления и т.п.) и все же пытаются разложить каменные изделия по эпохам. Но это всегда будет со знаком «предположительно». Тем не менее некоторые археологи пытаются не только разложить каменный инвентарь по эпохам, но и связать его с определенным типом керамики [Вилисов, 2006, 2012].

Целью статьи является оценка правомерности отнесения микролитических комплексов Кокшаровского холма и стоянки Вторая поселок I к позднему неолиту. Для этого проводится сравнение по разным параметрам с материалами памятников мезолита и неолита Среднего Зауралья.

Дискуссия

В работе 2006 г. Е.В. Вилисов на материалах Кокшаровского холма берется ни много ни мало «произвести типолого-статистическую классификацию микрокомплекса и выявить схожие и отличительные черты каменных индустрий мезолита и неолита Среднего Зауралья» [2006, с. 177]. Решить этот вопрос он собирается на смешанных материалах культового холма, который был образован за счет подсыпок культурного слоя с окружающего его Юрьинского поселения. На холме присутствуют комплексы неолитической керамики минимум четырех типов (кокшаровско-юрьинского, кошкинского, полуденского, басьяновского), а также энеолита (аятского, липчинского типов), бронзы (коптяковского, бархатовского, черкаскульского типов) и раннего средневековья [Шорин, 2001, с. 165–166; 2007, с. 30–42]. К микролитическому комплексу автор относит все пластинки шириной до 1 см, так как «по данному критерию часть пластинчатого комплекса холма выглядит наиболее репрезентативно для сравнения с материалами эпохи мезолита» [Вилисов, 2006, с. 178]. Отсюда следует, что без всяких на то доказательств весь микропластинчатый комплекс уже отнесен к эпохе неолита.

Далее автор приводит статистико-типологическую характеристику микролитического комплекса Кокшаровского холма, которая полностью соответствует материалам мезолитических памятников Среднего Зауралья. Среди изделий холма присутствуют все типы орудий, характерные для мезолита, в том числе резчики, поперечно-ретушные резцы, скошенные острия и геометрический микролит, которые в чистых неолитических комплексах отсутствуют. Следует отметить значительное количество в комплексе холма резцов (55 экз.) и резчиков (42 экз.) [Вилисов, 2006, с. 186; рис. 5, 1–64], что для неолита абсолютно нехарактерно. Что касается поперечно-ретушных резцов, то они характерны для памятников позднего палеолита и единично сохраняются в мезолите. При определении автором общих, особенных и единичных черт каменного инвентаря мезолитических памятников Среднего Зауралья поперечно-ретушные резцы отнесены к группе особенных [Сериков, 2000, с. 130–132]. В неолите они никогда не встречаются.

Сравнение комплекса холма с неолитическими памятниками проведено своеобразно. Для этого выбраны Евстюниха I, Уральские Зори II, Ташково I, Исетское Правобережное, Пикушка I, Ново-Шадрино I, Двухозерное I, ЮАО XII, XIIIa, XV. Если все мезолитические памятники, которые использовал для сравнения Е.В. Вилисов, находятся на восточном склоне Среднего Урала в пределах Свердловской области (за исключением Сухрино I), то из неолитических памятников на территории Свердловской области находятся только три (Евстюниха I, Уральские Зори II, Исетское Правобережное I), а остальные семь располагаются в Тюменской и Курганской областях на расстоянии 350–400 км (по прямой). На Евстюнихе I и Исетском Правобережном I микролитические комплексы присутствуют, но нельзя исключать, что на них, как и на многих береговых стоянках, имеется примесь мезолитических находок. Почему-то Е.В. Вилисов не взял для сравнения полностью опубликованные материалы неолитических поселений Чащиha [Раушенбах, 1966, с. 15–28] и Полуденка I [Сериков, 1974, с. 135–147]. Не использованы жилищные комплексы с Полуденки I [Сериков, 1981, с. 261–265] и с Юрьинского поселения [Старков, 1980, с. 173]. Может быть, потому, что в жилище Полуденки I из 299 найденных каменных изделий пластин было только 9 экз.? А в жилище Юрьинского поселения пластин не было вообще?

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

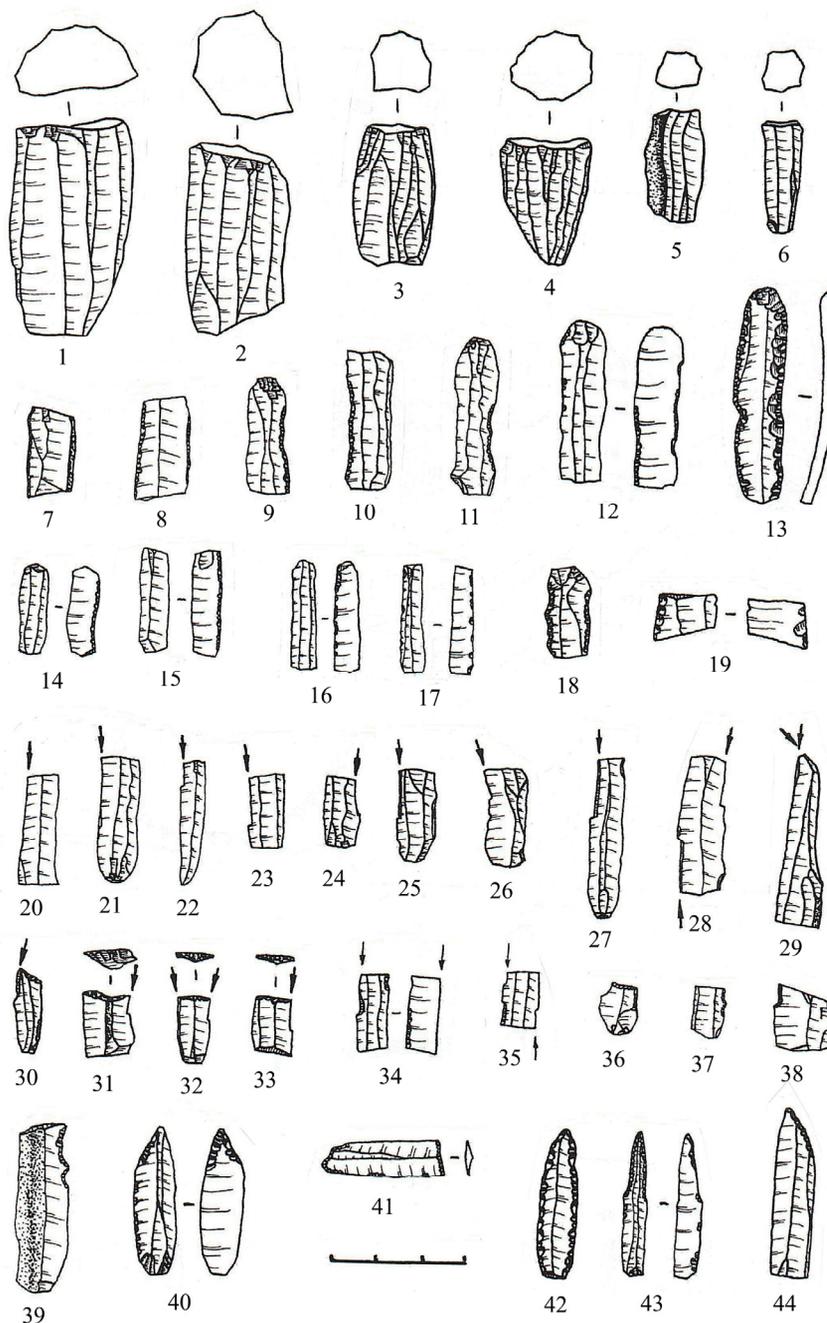

Рис. 1. Серый Камень. Микролитический комплекс каменных изделий эпохи мезолита:
 1–6 — нуклеусы; 7–19 — пластинки с ретушью; 20–29 — резцы угловые; 30–33 — резцы поперечно-ретушные;
 34, 35 — резцы-резчики; 36–39 — резчики; 40, 42, 43 — острия; 41 — геометрический микролит; 44 — скошенное острие.
Fig. 1. Seriy Kamen. Microlithic complex of Mesolithic stone products:
 1–6 — nucleus; 7–19 — plates with retouching; 20–29 — angular burins; 30–33 — burins on straight retouched truncation;
 34, 35 — burins-carvers; 36–39 — carvers; 40, 42, 43 — points; 41 — geometric microlith; 44 — beveled point.

Характеризуя минеральное сырье Кокшаровского холма, Е.В. Вилисов отмечает, что мезолитические комплексы каменных изделий выполнены в основном из кремнистых сланцев, в то время как изделия на холме изготовлены в основном из кремня [2006, с. 190]. В итоге получается, что статистико-типологическая характеристика каменных изделий мезолита и Кокшаровского холма практически одинакова (имеются даже поперечно-ретушные резцы [Вилисов, 2006, рис. 5, 13]), а различаются они только по минеральному сырью. На самом деле разница лишь в

том, что те минералы, которые Ю.Б. Сериков относит к кремнистым сланцам, Е.В. Вилисов называет кремнем. Все археологи-«каменщики» хорошо знают, какая путаница присутствует в названиях минералов. Например, зеленокаменную породу, из которой на Урале обычно изготавливали шлифованные топоры и тесла, сейчас называют туффитами или вулканомиктовыми песчаниками. То, что археологи называют яшмой, геологами определяется как фтаниты или фтаноиды [Мосин, Никольский, 2008, с. 32–34]. Такие несовпадения названий постоянно отмечают геологи и археологи на ежегодной Всероссийской научной конференции «Геoarхеология и археологическая минералогия», проходящей с 2014 г. в Миассе.

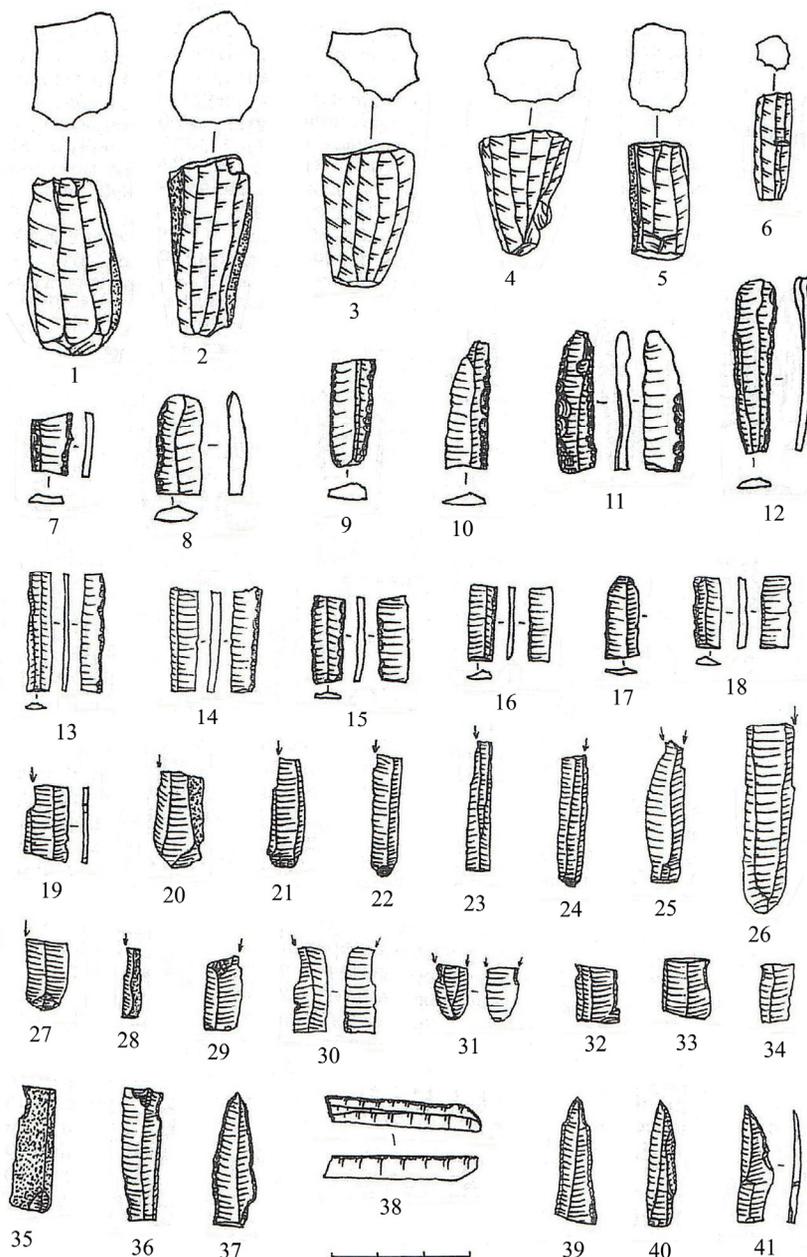

Рис. 2. Кокшаровский холм. Микролитический комплекс каменных изделий эпохи «неолита»: 1–6 — нуклеусы; 7–18 — пластинки с ретушью; 19–28 — резцы угловые; 29 — резец поперечно-ретушный; 30, 31 — резцы-резчики; 32–36 — резчики; 37, 39 — остря; 38 — геометрический микролит; 40, 41 — скошенные остря; по Е.В. Вилисову [2006].

Fig. 2. Koksharovskiy Hill. Microlithic complex of stone products of the “Neolithic” epoch: 1–6 — nucleus; 7–18 — plates with retouching; 19–28 — angular burins; 29 — burin on straight retouched truncation; 30, 31 — burins-carvers; 32–36 — carvers; 37, 39 — points; 38 — geometric microlith; 40, 41 — beveled points; according to E.V. Vilisov [2006].

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

В результате Е.В. Вилисов приходит к двум выводам. Первый: «...микролитический комплекс холма имеет сходные черты как с мезолитическими, так и с неолитическими индустриями, но большее сходство по статистико-типологическим характеристикам обнаруживает все же с последними, хотя полностью исключать присутствие изделий мезолитической эпохи нельзя» [Вилисов, 2006, с. 191]. Второй вывод: «...микролитический комплекс Кокшаровского холма в свете сравнительного типолого-статистического анализа и особенностей стратиграфии и планиграфии залегания, скорее всего, относится к неолитической, нежели мезолитической эпохе». И, как это часто бывает, со временем в других работах слова «скорее всего», «возможно» или «предположительно» из выводов исчезают, и предположительные выводы подаются уже как окончательные. Что и происходит в последующих работах Е.В. Вилисова [Вилисов, 2012, с. 98–99; Шорин, Вилисов, Шорина, 2013, с. 31–34; 2015, с. 11; рис. 6]. На самом деле материалы микролитического комплекса Кокшаровского холма по всем статистико-типологическим параметрам абсолютно идентичны комплексам эпохи мезолита — достаточно сравнить рис. 1 и 2. На рис. 1 — мезолитический комплекс Серого Камня из «кремнистого сланца», а на рис. 2 — «неолитический» комплекс Кокшаровского холма из «кремня». Нет никаких отличий. Тем не менее микролитический комплекс Кокшаровского холма уже без всякого сомнения относят к неолитической эпохе.

Необходимо отметить, что раскопки Кокшаровского холма разными авторами проводились на протяжении около 20 лет. О культовых находках и керамических комплексах холма опубликовано свыше 60 статей [Шорин, Шорина, 2019, с. 138], но полная характеристика каменных изделий до сих пор отсутствует. Анализируя микропластинчатый комплекс Кокшаровского холма, Е.В. Вилисов даже не упоминает о присутствии среди каменных изделий значительного количества пластин шириной 2–3 см. Коллекция из раскопок холма А.И. Россадович состоит из 1227 каменных изделий (без камней и галек). Около 15 % представлено широкими пластинами и изделиями из них (рис. 3, 1–12; 4, 1–12; 5, 1–20). Такие же широкие пластины характерны и для окружающего холм Юрьинского поселения (рис. 6, 1–19) [Старков, 1980, табл. XVII, 8–10, 12–14, 16–18]. С какой эпохой следует тогда соотносить крупнопластинчатый комплекс? В.Ф. Старков материалы Юрьинского поселения относил к развитому неолиту [1980, с. 114–119; табл. XXVII, 8–10, 12–14, 16–18]. Е.В. Вилисов данный вопрос не рассматривает, поэтому остается предполагать, что зауральский неолит был двухкомпонентным — микро- и макропластинчатым.

В 2012 г. Е.В. Вилисовым была опубликована предварительная информация о «единственном известном на данный момент однослойном памятнике басьяновского типа — Второй поселок I». Находится он на западном берегу Юрьинского озера (Кокшаровского торфяника) в 1,4 км от известного неолитического святилища Кокшаровский холм (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.). Раскопками площадью 116 м² вскрыто слабо углубленное жилище размером 3,6×2,9 м. Получена значительная коллекция находок, состоящая из 400 фрагментов неолитической керамики и 4600 каменных изделий [Вилисов, 2012, с. 98].

Представленная информация сразу вызывает ряд вопросов. Дело в том, что однослойные памятники на восточном склоне Урала чрезвычайно редки. Особенности почвообразования на Урале привели к тому, что на береговых памятниках культурные остатки всех эпох от мезолита до средневековья залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого (обычно) суглинка на глубине 10–40 см (в основном). Береговые памятники на проточных озерах тем более не могут быть однослойными. Поскольку на проточных озерах отсутствовал зимний замор рыбы и рыболовство на них могло вестись круглый год, удобные для хозяйственной деятельности мысы осваивались неоднократно и в разные археологические эпохи. Поэтому на берегах проточных озер всегда присутствуют смешанные хронологические комплексы. Такая картина выявлена на Аятском, Шигирском, Шайтанском озерах, Горбуновском, Полуденском торфяниках. На Юрьинском озере только автором выявлено 37 береговых и 7 торфяниковых памятников [Сериков, 2000, с. 89]. И среди них нет ни одного однослойного.

Следует подчеркнуть, что на всех береговых стоянках Юрьинского озера присутствуют небольшие мезолитические комплексы численностью от нескольких десятков до нескольких сотен каменных изделий. Самый крупный комплекс найден на стоянке Юрьино VII — 1020 экз. [Жилин и др., 2012, табл. 1]. Мезолитические слои выявлены и на шести торфяниковых памятниках [Сериков, 2007, с. 99–114]. Неолитические комплексы зафиксированы на шести береговых и пяти торфяниковых памятниках (Кокшарово I, Кокшаровское поле, Кокшарово III, Кокшарово VII, Юрьинское поселение с Кокшаровским холмом и Юрьино IV). Единичные фрагменты керамики

басьяновского типа отмечены только на Кокшарово I (9 фр.) и Кокшаровское поле (45 фр.). Все неолитические комплексы залежали на мысах высотой от 1 до 2 м над уровнем торфяника [Герасименко, Сериков, 2007, с. 59–79]. Второй поселок I располагается на высоте 4 м, что на настоящий момент является исключением.

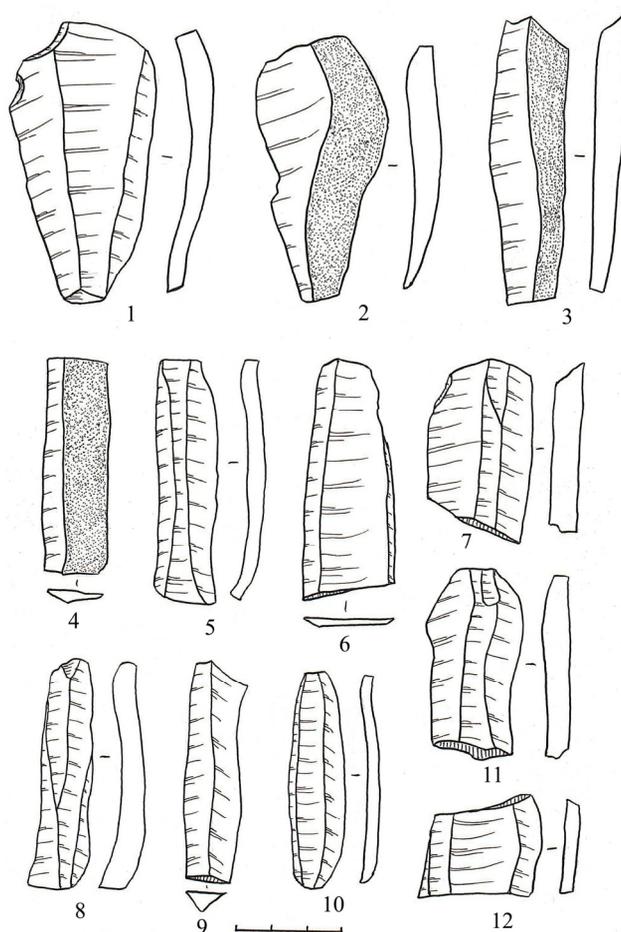

Рис. 3. Кокшаровский холм. Макропластинчатый комплекс эпохи неолита (пластины без ретуши).
Fig. 3. Koksharovsky Hill. Macroplasticity complex of the Neolithic epoch (plates without retouching).

Интересные материалы получены с пяти торфяниковых памятников, на которых присутствуют неолитические материалы. На исследованных раскопками стоянках Кокшаровско-Юрьинская I (вскрыто 140 м²) и II (вскрыто 34 м²) неолитические комплексы состоят из полутысячных коллекций керамики и каменных изделий. Однако керамика боборыкинского типа представлена единично: на Кокшаровско-Юрьинской I — семь фрагментов [Сериков, 1992, с. 139], на Кокшаровско-Юрьинской II — шесть фрагментов [Жилин и др., 2012, с. 65]. В материалах шурфов керамика боборыкинского типа найдена еще на Кокшарово I (болотная) — три фрагмента [Сериков, 2007, с. 104].

Особое внимание следует обратить на шурф, заложенный в торфянике в 9 м от коренного берега напротив Кокшаровского холма. На глубине 1,37–1,77 м обнаружен чистый неолитический слой. В нем найдено 123 фрагмента керамики и 13 изделий из камня. Весь керамический комплекс представлен керамикой кокшаровско-юрьинского типа [Сериков, 2007, рис. 7, 1–7]. Каменные изделия представлены шлифовальной плитой, обломком шлифованного орудия, рыболовным грузилом и десятью отщепами из кремнистого сланца, кварцита и бурого и светло-коричневого халцедона. Ни одной пластины в шурфе не обнаружено [Сериков, 2007, с. 111].

Единичные однослойные памятники на восточном склоне Среднего Урала в принципе известны, но их появление связано со специфическими топографическими и палеоклиматическими

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

ми особенностями. Например, сезонные мезолитические поселения Выйка II и Уральские Зори III сохранились однослойными только потому, что во время катастрофических паводков их вынуждено расположили на высоте 14–16 м (Выйка II) и 12–13 м (Уральские Зори III). Больше эти площадки никогда не заселялись [Сериков, 1999, с. 43–44].

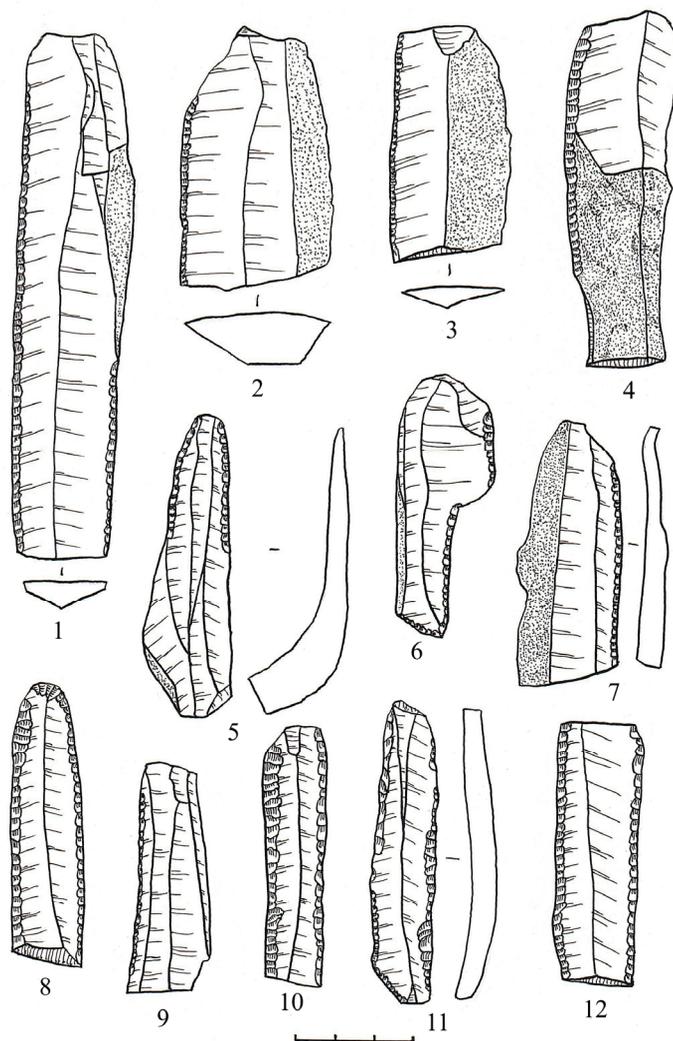

Рис. 4. Кокшаровский холм. Макропластинчатый комплекс эпохи неолита (пластины с ретушью).

Fig. 4. Koksharovsky Hill. Macroplasticity complex of the Neolithic epoch (plates with retouching).

В верховьях р. Туры в древности находилось небольшое проточное озеро. К концу мезолитической эпохи оно было полностью заболочено и превратилось в торфяник. После заболачивания жизнь на озере прекратилась и возобновилась только в эпоху средневековья, когда уровень воды в озерах значительно повысился. Поэтому мезолитические памятники на берегах этого озера остались однослойными (Гаревая II, Уральские Зори I, IV, VI–IX, Уральские Зори — остров) или же были перекрыты небольшими средневековыми комплексами, которые легко отчленяются (Уральские Зори V, XI) [Сериков, 2000, с. 135–179].

Однослойный неолитический памятник — Уральские Зори II также зафиксирован на р. Туре. Он располагался на узкой прибрежной отмели возле каменистого брода через реку и впоследствии был перекрыт метровым слоем ила и верхового торфа [Сериков, 1991, с. 32–46].

Второе, что удивляет на публикуемом Е.В. Вилисовым памятнике, — это соотношение комплексов керамики и камня: на 4600 каменных изделий приходится всего 400 фрагментов керамики (количество сосудов не указано). На опубликованной иллюстрации представлены десять невыразительных фрагментов керамики длиной от 1,8 до 4,8 см [Вилисов, 2012, рис. 1]. В 2007

и 2010 гг. автор дважды посещал раскопки Второго поселка и крупных фрагментов керамики в коллекции находок не видел. Только сильно измельченная керамика. Интересно отметить, что и в более поздней публикации, 2015 г., обосновывающей выделение басьяновского комплекса позднего неолита, среди иллюстраций присутствуют все те же мелкие фрагменты, но «подкрепленные» реконструкциями сосудов с Кокшаровского холма [Шорин, Вилисов, Шорина, 2015, рис. 3, 1–5]. Очень оригинально — для выделения басьяновского комплекса используется керамика с Кокшаровского холма, а каменный инвентарь — со Второго поселка I [Шорин, Вилисов, Шорина, 2015].

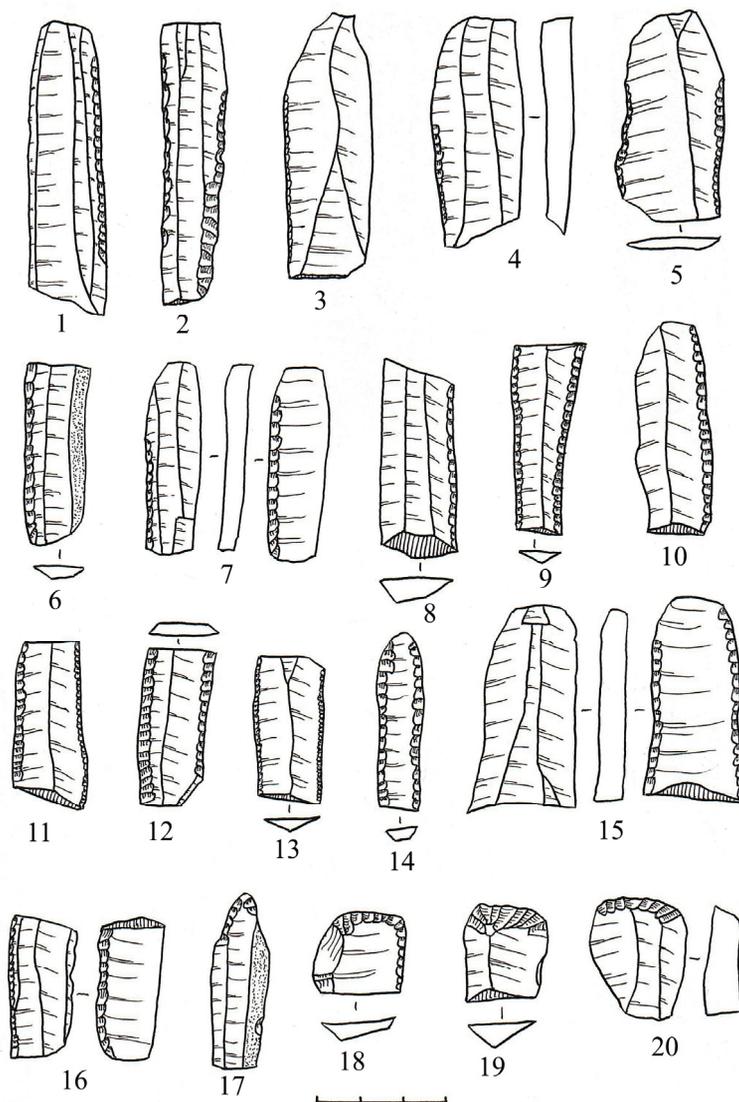

Рис. 5. Кокшаровский холм. Макропластинчатый комплекс эпохи неолита:

1–16 — пластины с ретушью; 17 — острие; 18–20 — скребки на пластинах.

Fig. 5. Koksharovskiy Hill. Macroplasticity complex of the Neolithic epoch:

1–16 — plates with retouching; 17 — point; 18–20 — scrapers on plates.

Но в чистых неолитических комплексах фрагментов керамики всегда в несколько раз больше, чем каменных изделий. Раскопки О.Н. Бадером неолитического поселения Полуденка I (вскрыто около 375 м²) дали 12 535 находок. Фрагментов керамики в коллекции 10 003 экз. (79,8 %), а каменных изделий — 2532 экз. [Сериков, 1974, с. 136]. В жилище Полуденки I, которое погребло от пожара, найдено 1068 фрагментов керамики (78,1 %) и 299 каменных изделий [Сериков, 1981, с. 261; Герасименко, 2003, с. 44]. На стоянке Уральские Зори II найдено 527 фрагментов керамики (81,0 %) и 123 каменных изделия [Сериков, 1991, с. 36]. Со стоянки

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

Евстюниха I (вскрыто около 200 м²) происходит 8123 находки, из них 5884 фрагментов керамики (72,4 %) и 2239 каменных изделий [Герасименко, 2008, с. 48]. По уточненным автором данным, коллекция находок Евстюниха I состоит из 9557 экз. Керамики в коллекции 6354 экз. (66,5 %), каменных изделий — 3203 экз. Коллекция Юрьинского поселения (вскрыто 84 м²), на котором и находится Кокшаровский холм, составляет 5490 экз. Среди них 4660 фрагментов керамики (84,8 %) и 830 каменных изделий [Старков, 1980, с. 65–67]. В комплексе неолитической торфяниковой стоянки Варга 2 (вскрыто 56 м²) на 821 фрагмент керамики (80,3 %) приходится 201 изделие из камня [Жилин и др., 2007, с. 39–80]. Такие примеры можно и продолжить.

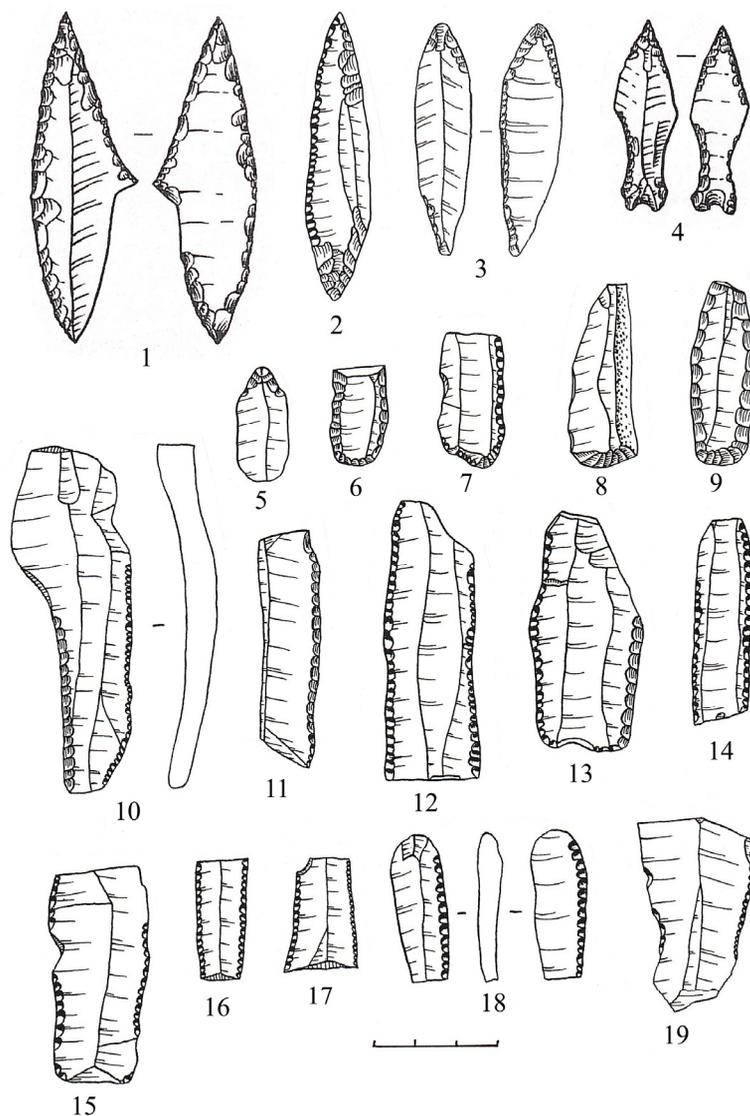

Рис. 6. Юрьинское поселение. Макропластинчатый комплекс эпохи неолита:

1 — наконечник дротика; 2–4 — наконечники стрел; 5 — острие; 6–9 — скребки на пластинах; 10–19 — пластины с ретушью.

Fig. 6. Jurinskoe settlement. Macroplasticity complex of the Neolithic epoch:

1 — dart tip; 2–4 — arrowheads; 5 — point; 6–9 — scrapers on plates; 10–19 — plates with retouching.

Таким образом, керамические комплексы на чистых неолитических памятниках составляют от 66 до 85 %, в то время как на керамику Второго поселка приходится всего 8 %. Чем можно объяснить такое несовпадение? Только смешанностью комплексов.

Следует также отметить, что котлован «неолитического» жилища на Втором поселке I имел размеры 3,6×2,9 м и площадь всего 10,5 м². Площадь данного жилища никак не соотносится с

площадь изученных ранее неолитических жилищ. Первое жилище на Полуденке I имело размеры не менее 5×4,6 м [Бадер, 1949, с. 147]. Еще большую площадь имело жилище на Евстюнихе I — 6,7×6,0 м [Герасименко, 2008, с. 47]. В.Ф. Старков отмечал, что площадь неолитических жилищ лесного Зауралья обычно составляет 35–40 м² и очень редко — менее 30 м² [1980, с. 169–185]. Такая же площадь жилищ характерна для неолитических памятников и по материалам В.Т. Ковалевой [1989, с. 20, 31, 40].

Между тем на мезолитическом поселении Горбуновского торфяника Серый Камень исследовано жилище площадью 13 м² (4,5×2,9 м) [Жилин и др., 2020b, с. 93; рис. 186–188]. Поэтому и жилище со Второго поселка также возможно отнести к мезолиту. Можно добавить, что в Пермском Приуралье известны и мезолитические жилищные сооружения небольшой площадью: Усть-Очёр I — 9,5 м² и 10,5 м², Косинская I — 11,5 м², Чашкинское озеро V — 15,5 м², Новожилово — 17,5 м² [Мельничук и др., 2018, с. 125–138].

Особо следует отметить статью М.Г. Жилина с соавторами по материалам неолитического слоя заторфованной части Второй Береговой стоянки Горбуновского торфяника, опубликованную в 2020 г. [Жилин и др., 2020a, с. 14, 40–43]. В статье не упоминается о попытках соотношения разных типов керамики с каменным инвентарем, а выделен комплекс, относящийся к неолиту в целом. Раскопки показали, что три типа керамики (кошкинского, боборыкинского и басьяновского) залегали в одном литологическом слое мощностью до 26 см. Причем стратиграфических различий в залегании керамики различных типов не наблюдалось [Жилин и др., 2020a, с. 14, 40–43]. Приходится констатировать, что существующие на настоящий момент археологические источники пока не дают возможности для выявления такого соотношения.

Необходимо также подчеркнуть, что, несмотря на наличие в неолитических слоях торфяных стоянок Кокшаровского торфяника разнообразных костяных изделий, ни одного вкладышевого изделия в них пока не обнаружено. Единственный обломок вкладышевого ножа происходит из смешанного слоя Кокшаровско-Юрьинской I стоянки [Жилин и др., 2012, с. 51–32; рис. 27, 5]. В неолитическом слое расположенной в 150 м Кокшаровско-Юрьинской II стоянки изделия из кости и рога имеются [Жилин и др., 2012, с. 67–68], но вкладышевые орудия отсутствуют.

На неолитической стоянке Варга 2, расположенной в прибрежной части Шигирского торфяника, раскопками вскрыто 56 м². В коллекции стоянки присутствует только один обломок кинжала или копья с намеченным пазом [Жилин и др., 2007, с. 12; рис. 10, 3]. Также единично представлено вкладышевое изделие (обломок наконечника стрелы) в неолитическом слое Второй Береговой стоянки Горбуновского торфяника [Жилин и др., 2020a, с. 34; рис. 41, 4].

Заключение

Таким образом, для решения поставленной Е.В. Вилисовым проблемы необходимо прежде всего произвести полную публикацию комплекса каменных изделий Кокшаровского холма. Только детальный статистико-типологический анализ всего каменного инвентаря, а не отдельной его части позволит оценить информативность источниковой базы.

Также приходится признать, что «единственный однослойный памятник басьяновского типа» Второй поселок I с пятитысячным комплексом находок до сих пор полностью не опубликован. Кроме небольшой статьи 2012 г., где в иллюстрациях опубликовано десять фрагментов керамики и 22 каменных изделия, никаких новых, более обстоятельных публикаций не последовало. Отсутствует полная публикация керамического комплекса, нет и статистико-типологической характеристики каменных изделий. Не касается автор и вопроса, почему в позднем неолите, с которым он связывает керамический комплекс стоянки, наряду с двусторонне обработанными наконечниками стрел и шлифованными орудиями вдруг появляется значительная (количество не указано) серия каменных изделий мезолитоидного облика. Причем большая их часть являлась вкладышами наконечников стрел. До сих пор в позднем неолите Среднего Зауралья не зафиксированы памятники с таким набором каменных изделий. Нужно добавить, что исследователь неолита Л.Л. Косинская также считает, что поздненеолитическая датировка комплекса стоянки Второй поселок I противоречит раннему облику каменного инвентаря [2020, с. 169].

Проведенный разносторонний анализ материалов стоянки Второй поселок I показывает, что данный памятник, как и все береговые озерные стоянки, является смешанным. По мнению автора, на стоянке присутствует большой мезолитический комплекс с неустановленной примесью неолита.

Изученные материалы доказывают, что вкладышевые изделия в раннем (но не в позднем) неолите Среднего Зауралья еще использовались. Однако нельзя забывать, что по своей про-

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

тяженности во времени период раннего неолита значительно меньше эпохи мезолита. Соответственно большая часть микрокомплексов будет относиться к мезолиту. А вопрос о массовости вкладышевых орудий в раннем неолите требует дальнейшего исследования.

Решению данной проблемы могло бы способствовать изучение раскопками прибрежной заторфовой части Юрьинского поселения. О наличии там культурных отложений косвенным образом свидетельствуют шурфы в торфе перед Кокшаровским холмом и неолитической стоянкой Кокшарово VII [Сериков, 2007, с. 110–111].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2. С. 144–150.
- Вилисов Е.В.* Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // УИВ. 2006. № 14. С. 177–196.
- Вилисов Е.В.* Басьяновский вариант боборыкинской культуры (по материалам памятника Второй поселок I) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 98–101.
- Герасименко А.А.* Керамический комплекс из жилища 1 на стоянке Полуденка I // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. науч. конф. Пермь: Перм. ун-т, 2003. С. 43–45.
- Герасименко А.А.* Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 44–72.
- Герасименко А.А., Сериков Ю.Б.* Неолитические памятники Юрьинского озера // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Вып. 5. С. 59–79.
- Жилин М.Г., Антпилина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чауркина Н.М.* Варга 2: Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье: (Опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 99 с.
- Жилин М.Г., Косинская Л.Л., Рыжкова О.В., Савченко С.Н., Устинова Е.А.* Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья // *Camera praehistorica*. Археология и антропология. 2020а. № 1 (4). С. 27–60.
- Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Александровский А.Л., Лаптева Е.Г., Корона О.М., Косинцев П.А.* Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М.; СПб.: Нестор — История, 2020b. 368 с.
- Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А.* Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Урал. ун-т, 1989. 80 с.
- Косинская Л.Л.* Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник Новосиб. ун-та. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 164–175.
- Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Чурилов Э.В.* Мезолитические сооружения в Пермском Приуралье // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2018. Вып. 11. С. 122–142.
- Мосин В.С., Никольский В.Ю.* Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.
- Раушенбах В.М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 15–28.
- Сериков Ю.Б.* Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка I // СА. 1974. № 1. С. 135–147.
- Сериков Ю.Б.* Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I // СА. 1981. № 1. С. 261–265.
- Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
- Сериков Ю.Б.* Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. 1992. № 4. С. 131–147.
- Сериков Ю.Б.* О «потопе» — катастрофическом наводнении в эпоху мезолита // Экология древних и современных обществ: Тезисы докладов конф., посвященной 275-летию РАН. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 43–44.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Н. Тагил: Полиграфист, 2000. 430 с.
- Сериков Ю.Б.* Новые торфяниковые памятники Кокшаровского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Вып. 5. С. 99–114.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 251 с.
- Сорокин А.Н.* Очерки источниковедения каменного века. М.: ИА РАН, 2016. 248 с.
- Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Шорин А.Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Курган. ун-т, 2007. С. 30–42.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс: Основные характеристики // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 31–34.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс позднего неолита: Основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 5–18.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Комплекс памятников «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» как источник по неолиту Зауралья // V Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 138–141.

Serikov Yu.B.

Russian State Professionally Pedagogical University (Nizhny Tagil Branch)
Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Revisiting the chronological attribution of microlithic complexes of the Koksharovsky Hill and Vtoroy Poselok I

In this paper, we consider the reasons behind the attribution of microlithic complexes of the Koksharovsky Hill and the Vtoroy Poselok I site to the late Neolithic. Statistical and typological characteristics of microlithic complexes of these sites fully conform to materials of the Mesolithic sites in the Middle Trans-Urals. The identification of chronological complexes of stone inventory in materials of mixed sites should be made after the full publication of the entire assemblage of stone artefacts. The comparison of the presented materials with the Neolithic sites of the Middle Trans-Urals shows the absence in the local late Neolithic of complexes with such set of stone tools — first of all, a large number of cutters and carvers, as well as burins on straight retouched truncation and geometric microliths. But it is precisely carvers, burins (especially the ones on straight retouched truncation) and geometric microliths that appear as characteristic products of the Mesolithic period. The dating of the microlithic complexes of the Vtoroy Poselok I site and the Koksharovsky Hill to the late Neolithic contradicts the early profile of the stone assemblage. We deny the definition of the Vtoroy Poselok I site as a single-layer site. Specific features of soil formation in the territory of the Middle Trans-Urals resulted in that the cultural remains of all periods from the Mesolithic to the Middle Ages are deposited within the soil layer of only 30–40 cm in thickness. Around the flow-through lakes all areas favorable for economic activities were inhabited repeatedly and in different archaeological epochs. In such particular sites, the objective prerequisites for the mechanical displacement of materials were created. Therefore, all complexes located in such places are mixed. The numerical ratio of the complexes of ceramics and stone products and the size of the dwelling in the Vtoroy Poselok I site is also inconsistent with the materials of the Neolithic sites of the Middle Trans-Urals. Given the mixed nature of materials of the Koksharovsky Hill and the Vtoroy Poselok I, the microlithic complex of artefacts present in both sites may indicate the presence of a significant Mesolithic admixture in them.

Keywords: Middle Trans-Urals, Mesolithic, Neolithic, microlithic complex, carvers, burins on straight retouched truncation, geometric microlith, beveled points.

REFERENCES

- Bader, O.N. (1949). A new type of Neolithic settlement in the Urals. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 144–150.
- Gerasimenko, A.A. (2003). Ceramic complex from dwelling 1 in the site Poludenka I, *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Perm': Perm'skii universitet, 43–45. (Rus.).
- Gerasimenko, A.A. (2008). Characteristic of ceramics of the settlement Evstiunikhka I. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 44–72. (Rus.).
- Gerasimenko, A.A., Serikov, Yu.B. (2007). Neolithic sites of lake Yuryinskoye. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, (5), Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 59–79. (Rus.).
- Kosinskaia, L.L. (2020). Stone inventory of Neolithic complexes with flat-bottomed ceramics of the forest zone of the Transurals. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 164–175. (Rus.).
- Kovaleva, V.T. (1989). *Neolithic of the Middle Transurals*. Sverdlovsk: Ural'skii gos. un-t. (Rus.).
- Mel'nichuk, A.F., Koreniuk, S.N., Churilov, E.V. (2018). Mesolithic structures in the Perm Urals. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik. Vyp. 11*. Tver': Triada, 122–142. (Rus.).
- Mosin, V.S., Nikol'skii, V.Iu. (2008). *Flint and jasper in material culture of the population of the Stone Age Southern Urals*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).

К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов...

Raushenbakh, V.M. (1966). New Neolithic settlement in the Middle Transurals. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Vyp. 40.* Moscow, 15–28. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (1974). The results of the technical surface analysis of stone tools from Neolithic sites Poludenka I. *Sovetskaiia arkheologiya*, (1), 135–147. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (1981). The complex of stone products from the dwelling Neolithic sites Poludenka I. *Sovetskaiia arkheologiya*, (1), 261–265. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (1991). Uralskie Zori II — single-layer Neolithic site of a new type. In: L. Krizhevskaya (Ed.). *Neoliticheskie pamiatniki Urala.*, Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 32–45. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (1992). Koksharovsko-Yuryinskaya peatland site in the Middle Transural. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 131–147. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (1999). About the “flood” — a catastrophic deluge in the Mesolithic era. In: *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv: Tezisy dokladov konferentsii, posviashchennoi 275-letiiu RAN.* Tiumen': IPOS SO RAN, 43–44. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (2000). *Paleolithic and Mesolithic of the Middle Transural.* Nizhnii Tagil: Poligrafist. (Rus.).

Serikov, Iu.B. (2007). New peatland sites of the Koksharovsky peat bog, *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale. Vyp. 5.* Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 99–114. (Rus.).

Sorokin, A.N. (2002). *Mesolithic Zhizdra marshy woodland. The problem of the source studies of the Mesolithic of Eastern Europe.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Sorokin, A.N. (2016). *Essays on Stone Age source studies.* Moscow: Institut arkheologii RAN. (Rus.).

Starkov, V.F. (1980). *Mesolithic and Neolithic of the forest Transural.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Shorin, A.F. (2001). The first preliminary results of the study of the Koksharovsky hill (based on the materials of excavations in 1995, 1997–1999). *Problemy izucheniiia neolita Zapadnoi Sibiri.* Tiumen': IPOS SO RAN, 162–169. (Rus.).

Shorin, A.F. (2007). History and some results of studying Kochanovsky hill. In: M. Vohmentsev (Ed.). *Problems of archeology: The Urals and Western Siberia (to the 70th anniversary of T.M. Potemkina).* Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 30–42. (Rus.).

Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2019). The complex of sites “Kocharovsky hill — Jurginskoe settlement” as a source for the Neolithic of the Urals. In: *V Severnyi arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov.* Ekaterinburg: Al'fa-Print, 138–141. (Rus.).

Shorin, A.F., Vilisov, E.V., Shorina, A.A. (2013). Basyanovskiy archaeological complex: The main characteristics. *Perekhodnye epokhi v arkheologii: Materialy Vserossiiskoi arkheologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem “XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie”.* Syktyvkar: IlaLI Komi NTs UrO RAN, 31–34. (Rus.).

Shorin, A.F., Vilisov, E.V., Shorina, A.A. (2015). Basyanovskiy archeological complex of the late Neolithic period: The base of allocation. *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 5–18. (Rus.).

Vilisov, E.V. (2006). Microlithic complex of the sanctuary Kocharovskiy hill. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (14), 177–196. (Rus.).

Vilisov, E.V. (2012). Basyanovskiy option of boborykina culture (on materials of the site the Second village I). In: A. Bagashev (Ed.). *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi konferentsii*, (2), 98–101. Tiumen': IPOS SO RAN. (Rus.).

Zhilin, M.G., Antipina, T.G., Zaretskaia, N.E., Kosinskaia, L.L., Kosintsev, P.A., Panova, N.K., Savchenko, S.N., Uspenskaia, O.N., Chairkina, N.M. (2007). *Varga 2: Early Neolithic site in the Middle Transurals: (Experience of complex analysis).* Ekaterinburg. (Rus.).

Zhilin, M.G., Kosinskaia, L.L., Ryzhkova, O.V., Savchenko, S.N., Ustinova, E.A. (2020a). Neolithic complex of the Beregovaya II site of the Gorbunovsky peat bog and Neolithic problems of the Transurals. *Camera praehistorica. Arkheologiya i antropologiya*, (1), 27–60. (Rus.).

Zhilin, M.G., Savchenko, S.N., Kosinskaia, L.L., Serikov, Iu.B., Aleksandrovskii, A.L., Lapteva, E.G., Korona, O.M., Kosintsev, P.A. (2020b). *Mesolithic sites in Gorbunovsky peat bog.* Moscow; St. Petersburg: Nestor — Istoriia. (Rus.).

Zhilin, M.G., Savchenko, S.N., Serikov, Iu.B., Kosinskaia, L.L., Kosintsev, P.A. (2012). *Mesolithic sites in Koksharovskiy peat bog.* Moscow: Voskresenskaia tipografiia. (Rus.).

Сериков Ю.Б., <https://orcid.org/0000-0002-3158-7460>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022